



— И представляешь, мама, директор вынуждена была со мной согласиться!

Произнеся эти слова, муж оглушительно рассмеялся. Глаза его при этом стали узкими, как у китайца, а рот, наоборот, ненатурально растянулся, как у клоуна, и я поскорее зажмурилась, чтобы не видеть его смеющимся. И сам смех — высокий, дробный, как будто рассыпали по столу мелкий горох, — едва не заставил меня передернуться. Перед глазами возникла эта самая куча гороха — сухого, червивого... с детства ненавижу гороховый суп!

— Сыночек мой, — нежно проворковала свекровь. — Ты, как всегда, на высоте!

Я поскорее открыла глаза, чтобы не видеть жуткий горох. И тотчас перехватила взгляд свекрови. Иногда было забавно наблюдать за тем, как меняется этот взгляд. Если свекровь смотрела на своего сыночка, то в глазах ее всегда сквозили немое обожание, ласка и нежность. Если же свекровь смотрела на меня, то все было совсем не так. Взгляд ее становился сладким, как сахарный сироп. Причем сироп не от вишневого варенья или, скажем, черничного. Нет. А от варенья, например, из зеленых кабачков. Когда-то давно

мать один раз сварила такую гадость и больше уже никогда так не делала, потому что есть это было невозможно, так и скисли три банки в буфете.

Если же свекровь ненароком забывалась или мне удавалось перехватить ее взгляд, когда она думала, что ее никто не видит, то во взгляде этом было легкое презрение вкупе с настороженностью. Свекровь меня не то чтобы опасалась, но постоянно была начеку. Держала, в общем, руку на пульсе.

Раньше, года полтора назад, то есть почти сразу после того, как я вышла замуж, меня это даже забавляло. Теперь же было просто противно.

Муж наконец перестал смеяться и не то чтобы сильно похорошел, но смотреть на него можно было без содрогания. Правда, недолго, потому что он стал пить кофе, налитый мамой. Кофе был слабый, да еще разбавлен молоком и приторно сладкий, муж пил его из большой кружки, блаженно жмурясь, отчего глаза его снова сделались узкими щелочками. Еще он громко причмокивал и сглатывал.

Против воли я воочию увидела, как бурда, именуемая в этом доме кофе, проходит через его горло, падает в пищевод... что там дальше?.. желудок, кажется...

Я так резко вскочила со стула, что он упал с оглушительным грохотом на пол.

— Тонечка, ты кофе будешь? — нарочито ласково спросила свекровь.

— Нет, лучше чай, — сквозь зубы ответила я и положила в чай два ломтика лимона.

— Тебе нехорошо? — встревоженно спросила свекровь. — Болит что-нибудь?

— Все в порядке, — я глотнула горячего чая, обожглась и немного пришла в себя, — подавилась просто.

Свекровь посмотрела так пристально, что мне захотелось показать ей язык или прыснуть чаем, как в детстве мы баловались водой. Положение спас муж.

— Мамуля, можно мне еще кофе? — спросил он, и свекровь тут же переключилась на своего обожаемого сыночка.

Я откусила лимон, скулы тотчас свело от кислого, зато тошнота отпустила. Страх свекрови был написан у нее на лбу огромными буквами: она боялась, что я забеременею. Ребенок ей был не нужен — это создало бы дополнительные проблемы. Она так боялась его появления, что была не в силах этого скрыть.

Тошнота появилась несколько месяцев назад. Вот также утром я сидела за завтраком напротив своего мужа и смотрела, как он ест манную кашу.

Манную кашу я тоже ненавижу с детства, просто терпеть не могу. Не подумайте, что я такая капризуля, просто у каждого нормального человека есть две-три вещи, которые он не выносит. Физически не выносит. Моя подружка Ленка Соловьева, к примеру, терпеть не может кипяченое молоко, даже запаха его не переносит. Если у соседей сбежит молоко, то ей прямо плохо делается. Даже к врачу ее в детстве водили, врач сказал — такое явление называется идиосинкразией. Вроде как аллергия, только психологическая.

И вот сидела я тогда напротив мужа и старательно отводила глаза от его тарелки: мало того что он ел манную кашу, главное — *как* он ее ел. Сначала делал в каше небольшую ямку, и свекровь на-

ливала туда ложку растопленного масла. Потом он аккуратно посыпал кашу сахаром, тщательно следя, чтобы ненароком не попало в масло. Дальше, полюбовавшись на свою ювелирную работу, начинал осторожненько проедать в каше ходы и дорожки, как мыши делают это в сыре, если, конечно, им улыбнется удача и посчастливится наткнуться на целую головку сыра.

Свекровь с улыбкой умиления смотрела тогда, как ее ненаглядное сокровище возится с кашей, а муж при этом еще и непрерывно говорил. Пересказывал свои сложные и высокие отношения с директором школы, последними словами ругал завуча, отпускал неллицеприятные замечания об учителях.

Муж работает учителем в средней школе, которая находится у нас во дворе. Преподает русский язык и литературу. Свекровь глубоко убеждена, что его в школе ценят, потому что он — замечательный преподаватель. Впрочем, она считает, что ее сыночек замечателен во всем. Я же с некоторых пор думаю, что просто в школе так не хватает учителей, что мало-мальски приличный непьющий мужчина котируется там на вес золота.

В процессе своего монолога, потому что свекровь только поддакивала и улыбалась, муж уронил ложку, она упала на стол, и вот, глядя на ошметки манной каши на клеенке, я вдруг почувствовала, что сейчас меня вырвет. Вот прямо сюда, на ту же клеенку.

Едва хватило времени, чтобы выскочить из-за стола и добежать до ванной. Там я умылась холодной водой, и тошнота отступила. Муж ничего не заметил, но свекровь посмотрела на меня с тревогой.

Следующий раз это снова случилось за завтраком, на этот раз муж ел оладьи с малиновым вареньем и снова непрерывно говорил, пересказывая в лицах явление в школу комиссии из роно. В процессе разговора он выронил изо рта кусок оладьи, и, увидев, как он шлепнулся на тарелку, разбрызгивая вокруг капли малинового сиропа, я снова была вынуждена выбежать из-за стола.

Муж опять ничего не заметил, а свекровь перехватила меня на выходе из ванной и спросила вполголоса, не беременна ли я. Я помотала головой и поскорее ускользнула на работу. По дороге прикинула по датам и уверилась, что беременность наступить никак не могла, уж не так часто мы с мужем занимаемся сексом. Тест тоже ничего не показал, и на душе у меня полегчало, но, с другой стороны, всякое могло случиться, и я взяла у Ленки Соловьевой телефон ее гинеколога — не хотелось идти в районную консультацию.

Доктор внимательно меня выслушала и осмотрела, сказала, что по ее части все в порядке, и назначила обследование и анализы. В общем, я оставила в этой клинике кучу денег и получила бумажку, в которой было написано, что я здорова и не беременна. Тошнота по утрам, однако, продолжалась с завидным постоянством. Свекровь бесконечно приставала с расспросами, и даже моя справка ее не слишком успокоила.

Если бы она знала, как страстно я не хочу ребенка от ее сына, она бы так не изводилась.

Я продолжала теряться в догадках, что это на меня нашло, пока в один прекрасный день меня не осенило: все дело в муже. В самом деле, глупо было бы думать, что так на меня действует обычная еда. Ну, ненавижу я манную кашу, так ведь не ем же

ее! И ежедневно перед моими глазами проходит множество различных продуктов разной степени привлекательности и свежести. Именно проходит, то есть непрерывно движется по ленте транспортера.

Я работаю кассиршей в продуктовом магазине. Не в большом супермаркете, где порядка и чистоты побольше, а в обычном сетевом магазине. Ходят к нам пенсионеры и вообще небогатые люди, ошибочно думая, что у нас дешевле. Может, конечно, и дешевле, но качество гораздо хуже.

Вот вчера одна бабуся взяла с полки рваный пакет с сахарным песком, да еще и разбила туда банку с томатным соусом. Все это оказалось возле моей кассы, так я и глазом не моргнула!

Рядом с нашим магазином находится «Макдоналдс», и я спокойно отношусь к запаху сомнительных подгорелых котлет — привыкла уже. Так что еда была ни при чем, все дело в муже. А тошнило меня именно за завтраком потому, что к совместному нашему ужину я приползаю настолько усталая, что мне уже все до лампочки — как он там ест, о чем разговаривает с мамашей...

Со временем я научилась успешно сдерживать позывы тошноты, в таких случаях помогают лимон или клюква. В общем, если у Ленки Соловьевой идиосинкразия на кипяченое молоко, то у меня — на собственного мужа.

Вы спросите, отчего я не пытаюсь устранить источник раздражения? Казалось бы, чего проще — если видеть его не можешь, тошнит тебя от него, наружу выворачивает, а детей у вас нет, так разойдитеесь красиво, и дело с концом!

А куда мне деваться? Снимать квартиру? С моей зарплатой кассирши это нереально. Или

же разменивать эту вот, где мы живем с мужем и свекровью?

Но тут все не так просто. Точнее, все сложно. А с моей невезучестью и глупостью почти невозможно. Да что там «почти» — совсем никак.

Я повернулась к свекрови спиной и допила чай с лимоном.

— Тонечка, ты не опоздаешь? — спросила она. — Витюша-то не торопится сегодня...

Можно подумать, что когда-нибудь торопится! Сам хвастался, что ходит только ко второй паре, с завучем воевал, но своего добился. А сейчас лето, экзамены, так что он вообще не каждый день в свою школу таскался. Репетиторством не занимался из принципа, говорил, что настолько хорошо объясняет материал, что не понять его может только полный дурак, а такому и репетиторство не поможет. Ну, теперь школьники пошли продвинутые, все экзаменационные задания из Интернета скачают.

Ладно, меня от этих школьных терминов тоже тошнит. И от сладкого голоса свекрови. Ишь как выпекает: сыночек, Витюша, а то еще: Витеночек! Вообще-то его зовут Виталий. Мамаши двоечников так и спрашивают по телефону: «Можно Виталия Евгеньевича?» Ненавижу.

Самое главное, что ненавидеть и злиться можно в данном случае только на себя, потому что по большому счету муж ничего плохого мне не сделал. Хорошего, кстати, тоже, но это вопрос субъективный, здесь у каждого свое мнение. Его мамаша убеждена, что само присутствие ее сына в моей жизни уже должно меня радовать до коллик в животе. Или до тошноты.



Усилием воли я отогнала от себя эти мысли, потому что они приведут только к тому, что я и вправду опоздаю на работу. А менеджер Зойка такая стерва, выдумала систему штрафов, за каждые пять минут опоздания снимает проценты с премии.

Не подумайте, что все это время я стояла столбом и занималась самокопанием. Нет, я успела между делом одеться и накраситься, торопливо всунула ноги в босоножки и выскочила из дома. Только на лестнице услышала, как капли дождя стучат по металлическому подоконнику, и вернулась за зонтиком. Хотела надеть кроссовки, но сообразила, что на мне юбка; в общем, пока искала джинсы, да еще шнурок запутался... Время катастрофически поджимало, я бегом спустилась по лестнице и налетела на почтальоншу.

— Девушка, вы ведь из двенадцатой квартиры? — спросила она, исподлобья разглядывая меня.

— Ну да! — я застыла на пороге.

— Гусакова А. А. — это, случайно, не вы? — она смотрела с непонятным недоверием.

— Ну, я... — нетерпеливо повторила я. — А в чем дело?

— Это вы, значит, к Шерстоуховым въехали, — констатировала она.

Шерстоуховы — это мой муж и свекровь. Когда я выходила замуж за Виталия, решила не менять фамилию, не нравилась она мне. Свекровь согласилась, и только потом я поняла почему.

— Соседка их, значит, будете... — не отставала почтальонша.

Въехала я в двенадцатую квартиру почти два года назад и теперь уже не соседка, а жена, член,

можно сказать, семьи. А почтальонша про это не знает, потому что писем мне никто не пишет и газет я не получаю. И посылки мне никто не шлет.

— Слушайте, я на работу опаздываю! — не выдержала я. — Что вы хотели-то?

— Я-то ничего не хотела, — мгновенно обидевшись, сказала почтальонша, — а вам, между прочим, письмо пришло, заказное. А если вы и взять его не хотите, так я тогда извещение в ящик опущу, а вы сами в отделение наше приходите.

— Ой, мне некогда! — вскричала я. — Давайте сейчас!

— А я не нанималась письма заказные просто так носить, — тетка вошла в раж, — ноги отваливаются!

Я поняла все правильно и полезла за кошельком. Почтальонша выдала мне желтый конверт с напечатанным адресом. Все верно: Казанская улица, дом пять, квартира двенадцать, Гусаковой А. А.

Вместо обратного адреса стоял смазанный штамп, я разглядела только слово «нотариус».

Запихивая конверт в сумку, я посмотрела на часы и охнула — теперь я точно опоздаю!

Маршрутка ушла, пришлось ехать на автобусе, и народ так давился, что нечего было и думать достать из сумки конверт. Я плотно прижала сумку к груди и на всякий случай волком зыркнула на мужичка с бегающими глазками, отиравшегося рядом.

— Девушка, — тотчас закричал он, — вы что это так на меня смотрите?! Вы что это подумали?

— Отвали! — посоветовала дородная тетя, стоящая рядом. — Отвали, козел, а то как врежу!

Мужичка как ветром сдуло. Казалось бы, в такой толпе не повернуться, а вот поди ж ты...

На рабочее место я опоздала на пятнадцать минут.

— Рекорд! — с непонятым выражением прошептала Катерина, сидевшая за соседней кассой. — Слушай, Зойка уже изошла на дерьмо, мало тебе не покажется...

В магазине по утреннему времени народу было немного. Хоть пенсионеры и ранние пташки, сейчас многие подались на дачу, на огороды.

Я прошла прямо в зал, не заходя в подсобку, чтобы не сталкиваться с менеджером, поэтому переодеться не успела. Нам полагается форма — уродские белые блузки с красным воротником и логотипом магазина на кармашке. Летом в ней жарко, а зимой — холодно, но начальство распорядилось, и приходилось носить.

К моей кассе нетвердой походкой подошел мужичок со следами сильного похмелья на лице. В руках он держал две бутылки пива. Рабочий день начался.

Официального обеда у нас нет, но каждые два часа полагается перерыв на десять минут — освежиться, покурить кому надо, можно кофейку выпить или съесть что-нибудь, если успеешь. Рыжая Зойкина голова появлялась в зале, на меня она не смотрела, но весь персонал прекрасно знал, что наша Зоя никогда ничего не забывает и ничего никому не прощает. Как говорят, она не злопамятная, просто злая и память у нее очень хорошая.

Я ждала своего перерыва с нетерпением — переодеться нужно и посмотреть, что же там, в заказном письме. Все-таки от нотариуса, не каждый день такие письма получаю...

Но когда прибежала довольная Катерина и кивнула мне — иди, мол, пока кофе не остыл, наша Зоя выскочила, как чертик из табакерки, и встала у меня на пути.

— Гусакова! — прошипела она. — Могу я поинтересоваться, куда это ты намылилась?

— У меня перерыв, — кротко ответила я.

— Никуда не пойдешь! — рыжая ведьма подошла ближе и схватила меня за рукав. — Ты опоздала на двадцать минут, значит, будешь без перерыва работать!

— Но, Зоя, мне в туалет надо...

— Потерпишь! — припечатала эта сволочь, и в голосе ее прозвучало неприкрытое злорадство.

— Ну, знаешь! — мне действительно было нужно, а еще вдруг накатила такая злость, что даже заломило в висках.

Я с грохотом задвинула кассу и выскочила в зал. Немногочисленные покупатели уже поглядывали в нашу сторону с опасливым любопытством, одна женщина на всякий случай отошла подальше. Зойка не посмела ничего сказать, но направилась за мной с таким видом, что я опасно оглянулась на бегу.

Она перехватила меня в раздевалке.

— Можешь не переодеваться! — визгливым голосом заорала она. — Ты уволена!

— Как так? — я растерялась. — За одно опоздание?

— Да ты работать не умеешь нисколько, покупатели жалуются, у тебя недостача вечно!

Насчет недостачи она врала, не было этого, а покупатели всегда жалуются, бабки вечно всем недовольны, им угодить невозможно, хоть в лешку расшибись.